

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Романтизм

Как мы видели из прошлых лекций, интеллектуальная среда Просвещения породила критику основных постулатов эпохи, что заложили основу для ее преодоления. Руссо, Вико, Гаман и Гердер подвергли сомнению не только веру в прогресс, но и в претензии разума как единственного легитимного источника познания. Гердер обратил внимание на значимость чувств в формировании культуры и наполнении человеческого опыта его неповторимым содержанием.

Подобную критику постулатов Просвещения можно наблюдать и в литературе. В Германии в 60-х и 70-х годах XVIII века возникло движение «Буря и натиск» (Sturm und Drang), отказавшееся от вымеренного классицизма эпохи в пользу предельной эмоциональности, безудержности индивидуальных порывов. Именно с «Бури и натиска» и начинается литературная карьера главных классиков немецкой литературы – Гете и Шиллера.

В ранней работе Гете – «Страдания молодого Вертера» – главный герой на фоне несчастной любви кончает жизнь самоубийством. Сентиментальный роман, ставший моментальным бестселлером периода, указал на силу страсти, что было трагически подтверждено волной самоубийств в подражании главному герою, явлением, получившим название «синдрома Вертера».

Событие, ознаменовавшее конец Просвещения, было одновременно и его кульминацией, триумфом. Речь идет о начавшейся в 1789 году Французской Революции. Как и Просвещение являлось попыткой перевести сформированные веком ранее принципы научного познания в сферу общественно-политической мысли, так и Французская революция олицетворяла собой устремление к осуществлению идеалов и замыслов Просвещения в действительности.

Результатом революции стало не появление царства разума и справедливости, а кровавая драма самого амбивалентного характера. За ранним реформистским энтузиазмом последовали установление республики, казнь короля и королевы, якобинский террор, реакция, переворот, диктатура и коронация Наполеона Бонапарта в качестве Французского императора. Всему этому сопутствовали более чем 20 лет войн, унесших миллионы жизней.

Провозгласив разум в качестве главенствующего принципа в построении постреволюционного общества, Французская Революция представляла из себя взрыв эмоциональной энергии колоссальной силы. Сложно было назвать разумной гонку за революционной универсальной утопией, или новой французской империей. Сильнейшая эмоциональная подоплека питала новые, вышедшие из драмы революции, идеологии национализма, либерализма, отрицающего революцию консерватизма, осуждающего революцию за недостаточный пыл социализма.

Французская революция являлась наглядной демонстрацией силы чувства. Результаты, к которым она привела, не укладывались не в одну из рациональных схем. Потрясения вынудили пересмотреть постулаты, касающиеся значимости разума, неизбежности прогресса и прочих аксиом Просвещения. Кризис подтвердил обоснованность критических взглядов, давая начало новой эпохи в интеллектуальной истории Европы, эпохи Романтизма.

Романтизм сложно определить. В этой сложности и заложена одна из черт романтизма – пристрастие к импровизации и интуитивному восприятию действительности. Представители романтизма воспринимали мир и природу не механически (как у Бэкона и Ньютона), а органически. Природа была живым отражением некоего духа, возвышающегося над принципами разума уже потому, что сама природа эти принципы и устанавливала. Ее развитие, воспринимаемое почти в биологическом смысле этого слова, состояло из уникальных моментов, постигнуть суть которых можно было лишь посредством сочувствия, «вчувствования» в них.

Человек, как и природа, мыслился как динамичный организм, находящийся в постоянном развитии. Его главной характеристикой стал не абстрактный, обособленный разум, а чувства, способность к интуитивному пониманию, вдохновению и творческой деятельности. Если начиная с Декарта человек представлялся обособленным от мира бытием, наделенным сознанием, то с романтизмом человек предстал единым с природой, одаренный ей свойствами, что позволяли ему входить с миром в непосредственный диалог.

Установки романтизма – его внимание к индивидуальности, динамизму, чувствам, духу – распространились повсеместно, дав начало новым течениям в философии, литературе, искусстве и, конечно, истории.

История стала главным «открытием» романтизма, его избранной наукой. Ключевым для романтиков был принцип историзма. Просветителями этот принцип воплощался в идее развития: все в природе и человеческом обществе подчинялось неподвластной воле людей поступательному движению. В сочинениях романтиков смысловые акценты были расставлены по-иному: движение истории понималось как органический процесс. У всех явлений появилось дополнительное – историческое – измерение. Их следовало рассматривать в становлении, развитии, расцвете и упадке. История обозначала изменение, из которого проистекало разнообразие. Все явления прошлого виделись авторам-романтикам как неповторимые, уникальные. Каждое из них интерпретировалось внутри того времени, ценностей, представлений, культуры, к которым принадлежало. Так, в исторических сочинениях романтизма складывалось ощущение дистанции между настоящим и прошлым. Такой взгляд подразумевал, что все без исключения эпохи как необходимые стадии роста человеческого сообщества были по-своему значимы. В рассуждениях просветителей европейское средневековье получило устойчивую негативную оценку как время варварства, суеверий и невежества. Романтики культивировали интерес к средним векам, нередко идеализируя и поэтизируя этот период истории.

Согласно романтическим представлениям, народы, государства и культуры развивались естественным образом. Это представление легло в основу философии Духа, раскрывавшего себя в истории народов. Таким образом, не отрицая идею Просвещения о движении в истории, романтики пытались очистить ее от механистических метафор, и открыть духовное, живое основание действительности.

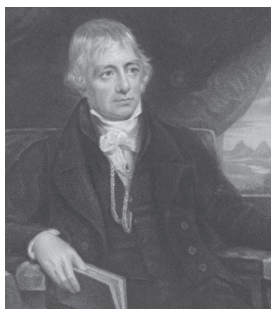
Вдохновленные уникальным и самобытным, романтики сосредоточились на написании национальных нарративов. Эти особенности связывались с чертами присущего каждой нации народного духа, в соответствии с которым происходило развитие национального государства.

Романтизм совпал с подъемом национального движения в Европе, проявившимся в серии национально-буржуазных революций в 1820–1830 годах, в 1848–1849 годах, а также в объединениях «сверху» итальянских государств и германских земель, предпринятых монархиями Пьемонта и Пруссии в 50–60 годах XIX века. Своими работами историки обосновывали процесс консолидации национальных государств, считая нации органическими проявлениями исторической жизни отдельных человеческих сообществ.

Интерес к истории как к дисциплине, дающей ключ к понимаю настоящего, был чрезвычайно высок. Он проявлялся в практике чтения открытых лекций, ставших важным элементом европейского культурного ландшафта. Продолжая работу, начатую антикварами и эрудитами, историки начали публиковать монументальные сборники исторических памятников. Так, с 1826 года стали издаваться «Памятники истории Германии»; с 1835 года – «Неизданные документы по истории Франции»; с 1836 года в Италии печатались «Памятники отечественной истории»; в 1832–1861 годах в США было опубликовано 38 томов «Государственных документов Америки».

Проявлением интереса к национальному прошлому стали исследования и публикации, связанные с народным творчеством. Носители гердеровских представлений о душе и гении индивидуальных народов, исследователи – писатели, лексикографы, историки – ринулись открывать «другую половину» европейских крестьян, отождествленных с народом. Благодаря их деятельности были записаны сказы, легенды, предания, собраны материалы по языку и диалектам, описаны обычаи, запечатлены национальные костюмы. Так появились сказки братьев Гримм в Германии и «Толковый Словарь» Даля в России. Романтическая деятельность заложила основы будущих культурно-антропологических исследований.

Хотя история постепенно и превращается в отдельную дисциплину, связь с литературой остается очень сильной. Одним из самых наглядных проявлений интереса к истории, оказавшим влияние на практику историописания, стало появление жанра исторического романа. Ему отдавали В. Скотт, В. Гюго, О. де Бальзак, А. С. Пушкин, Дж. Ф. Купер.

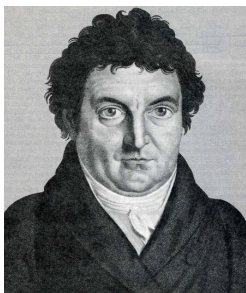

Пожалуй, самой знаковой фигурой среди авторов исторических романов был шотландский писатель Вальтер Скотт. Действие его книг разворачивалось на фоне событий шотландской, английской или европейской истории средневековья и нового времени. Вымышленные герои действовали рядом с известными деятелями прошлого. Литературный сюжет соединялся с элементами исторической реконструкции. Отдавая дань национальным нарративам, Скотт выстраивал нарративы вокруг борьбы народов – шотландцев, англосаксов – за независимость.

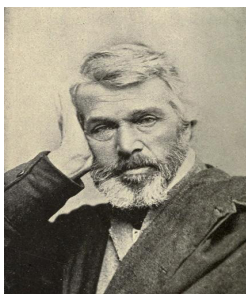

В своем стремлении воссоздать картины прошлого Скотт прибегал к историческим исследованиям и памятникам прошлого. Он обрабатывал материал таким образом, чтобы донести героизм минувшего, дать читателям почувствовать время. Его средневековые окутано романтическим ореолом, что соответствовало общей реабилитации этого периода в глазах читающей публики.

Скотт в первую очередь был писателем, но многие из современных ему профессиональных историков создавали работы, пользуясь художественными приемами романтической литературы. Их сочинения апеллировали не только к способности читателя следить за аргументацией, но и к его воображению, умению сопереживать историческим персонажам. Историков-романтиков интересовали различия между эпохами, уникальное и преходящее.

При этом расстояние между современностью и отдаленным прошлым сокращалось за счет художественного воссоздания колорита прошедших веков. В тексте приводились красочные детальные картины повседневности того или иного времени, подробные описания духовного склада, чувств и мыслей действующих лиц. Читатель мог «увидеть» героев и героинь повествования вблизи. Именно за такую историю ратовал немецкий философ Иоганн Готтлиб Фихте: история не излагает факты в хронологическом порядке, а чудесным образом переносит современников в гущу исторического прошлого.

Именно в таком духе (в духе непрекращающейся драмы) и писал выдающийся английский историк Томас Карлейл свою работу о Французской революции. Из-под его пера вышла не просто ученая интерпретация причин, хода и следствий события, а спектакль общемирового масштаба. Образ величественного и ужасного события создается с помощью художественных портретов отдельных личностей, живых описаний ключевых эпизодов тех лет, экскурсов в человеческую психологию и частым обращениям к жизненному опыту самого автора.

Как историка Карлейла не сильно тревожили глубинные структурные причины, приведшие к гибели монархии и старого режима, хотя его сочинение изобилует описаниями несправедливости дореволюционных порядков и страданий, выпавших на долю народа. Куда большее внимание он, как и ряд других историков эпохи, уделяет внутреннему миру человека. Там, по его убеждению, следует искать корни исторических событий. Герои и героини со своими страстями и чувствами воплощали романтический тип гения, великого творца, чьи помыслы и дела накладывают отпечаток на его эпоху. Именно с этих позиций Карлейлом в 1844 году была написана книга «Герои, почитание героев и героическое в истории», в которой он представил идею о том, что историей двигают выдающиеся личности. «История мира – не более, чем биография великих людей».

Романтической историографии было свойственно особое отношение к источнику. Свидетельство, отделенное от настоящего веками, а еще более – восприятием и уникальным опытом, должно было ожить, заговорить с настоящим, чтобы читатели, несмотря на дистанцию, смогли полностью прочувствовать минувшие события. Для публикаторов важным было дать возможность читателю «услышать» голоса героев прошлого. Сам Карлейл предоставил пример такого подхода, издав в 1845 году письма и речи деятеля Английской гражданской войны Оливера Кромвеля.

«Уплощающий» и обобщающий все разум не мог дать человеку возможности преодолеть дистанцию и услышать прошлое. Историки уделяли важную роль другим формам познания, вчувствованию и сопереживанию, интуитивному пониманию людьми настоящего людей прошлого, достигавшейся благодаря общности человеческого рода. Читатель находился в подвешенном состоянии, ощущая сходство с изучаемым временем и его различие. Поэзия и религия рассматривались как не менее значимые пути познания, чем философия и науки. Историками-романтиками была создана система образов, которые могли

быть, по их мнению, непосредственно восприняты «глазами души». Такой путь мог вести к неточностям в их трудах, однако картины прошлого были яркими и захватывающими, даже если это достигалось исключительно благодаря силе воображения историка.

На этом мы заканчиваем лекцию о романтизме и о его отражении в формирующейся исторической дисциплине. Хотя сами романтики любили подчеркивать свою обособленность от предыдущей им эпохи, водораздел между ними не стоит абсолютизировать. Многие (в первую очередь, признание идеи движения к цели) в истории было заимствовано романтиками у просветителей. Романтизм нужно воспринимать не как отрицание Просвещения, но как его преодоление, как процесс корректировки постулатов, из которых и складывалось миропонимание интеллектуалов XVIII столетия.

Неудивительно, что именно Романтизм как движение, преодолевающее предшествующее ей Просвещение, ввел в оборот диалектическое восприятие истории как таковой.

Об этом мы поговорим в 15 лекции.

В следующей же лекции мы поговорим о конкретных направлениях в историографии, сформированных под влиянием как родившихся во Французской Революции идеологий, так и общих принципов романтического мировоззрения.